

УДК 130.12

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-445-453

ОБЫДЕННОЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ В КОНТЕКСТЕ КРИЗИСА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Сухогузов Михаил Николаевич

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)

Рассматриваются сущность, тенденции развития обыденного и теоретического сознания, их соотношение в контексте глобального кризиса современного общества. Показано, что кризис этот имеет глубокие антропологические основания, представляет собой кризис самой человеческой сущности. С позиций материалистического понимания истории очевидно, что в конечном счете именно кризис общественного бытия провоцирует кризис обыденного и теоретического уровней общественного сознания. Однако в марксистской теории предполагается и обратное влияние: существенная активность общественного сознания в отношении общественного бытия. Автор статьи констатирует, что в современных условиях это обратное влияние приводит к «консервации» общественного бытия в его неадекватных новейшим вызовам формах. Его гипотеза состоит в том, что одним из факторов, сдерживающих развитие общества и преодоление кризиса, являются деформации обыденного и теоретического сознания и их отношения. Формулируется проблема и определяются основные задачи исследования. Автор полагает, что необходимо раскрыть сущность обыденного и теоретического сознания, а также диалектику их отношения с методологических позиций современного материализма; исследовать успехи и неудачи попыток целенаправленного «онаучивания» обыденного; выявить конкретные проявления деформирующего влияния на взаимодействие обыденного и теоретического сознания; определить конкретные механизмы, посредством которых кризис общественного бытия способствует размыванию рациональных моментов обыденного сознания, укреплению иллюзорного теоретизирования и утрате конструктивного взаимодействия обыденного и научно-теоретического сознания.

Ключевые слова: антропологический кризис, обыденное сознание, теоретическое сознание, иллюзорное теоретизирование, цифровизация.

EVERYDAY AND THEORETICAL CONSCIOUSNESS IN THE CONTEXT OF THE CRISIS OF HUMAN ESSENCE: PROBLEM STATEMENT

Mikhail N. Sukhoguzov

Perm State University (Perm)

The article examines the essence, trends in the development of everyday consciousness and theoretical consciousness, their relationship in the context of the global crisis of modern society. It is shown that this crisis has deep anthropological foundations and represents a crisis of human essence itself. From the perspective of materialistic understanding of history, it is obvious that, ultimately, it is the crisis of social being that provokes the crisis of everyday and theoretical levels of social consciousness. However, the Marxist theory also assumes the opposite effect — an essential activity of social consciousness in relation to social being. The author states that under contemporary conditions this reverse influence leads to «conservation» of social being in its forms that are inadequate to the latest challenges. The author's hypothesis is that one of the factors restraining the development of society and overcoming the crisis is the deformation of everyday and theoretical consciousness and their relations. The article formulates the problem and identifies the main objectives of the study. The author believes that it is necessary to reveal the essence of everyday and theoretical consciousness as well as dialectics of their relation from methodological positions of modern materialism; to investigate the successes and

failures of efforts aimed at purposeful «scientification» of everyday consciousness; to reveal the concrete manifestations of the deforming influence on the interaction of everyday and theoretical consciousness; to identify the concrete mechanisms by which the crisis of social being promotes the erosion of rational moments of everyday consciousness, the strengthening of illusory theorization of the society.

Keywords: anthropological crisis, everyday consciousness, theoretical consciousness, illusory theorization, digitalization.

Введение

Не секрет, что современное состояние общества можно охарактеризовать как кризисное. С каждым годом множится число научных работ, принадлежащих представителям различных научных дисциплин, в которых описываются кризисные тенденции во всех сферах современной общественной жизни. Если исходить из принципов материалистического понимания общества, то все эти сферы в конечном счете зависят от сферы экономической. Но есть ли шанс на «перезагрузку» сердца мировой экономики? Действительно, в экономике известна эмпирическая закономерность, согласно которой рецессия сменяется ростом. Однако эксперты МВФ даже в 2018 г. констатировали, что восстановление после кризиса 2008 г. было очень медленным и неравномерным, — настолько, что более половины экономик мира так и не вернулись к объемам производства десятилетней давности [Чень В. и др., 2018]. А уже через два года после опубликования данного исследования и это слабое восстановление было подорвано социальными импактами пандемии COVID-19, которой не смогли достойно противостоять и страны с, казалось бы, самым высоким уровнем социально-экономического развития. Эти негативные тенденции резюмирует П. Мейсон, автор нашумевшей книги «Посткапитализм. Путеводитель по нашему будущему», приводящий оценку Организации экономического сотрудничества и развития: «...В ближайшие пятьдесят лет в развитом мире рост будет “слабым”. Неравенство вырастет на 40 %. Даже в развивающихся странах рост выдохнется к 2060 году». Таким образом, «для развитого мира лучшие времена капитализма уже позади, а для остальных стран они закончатся еще при нашей жизни» [Мейсон П., 2016, с. 3].

Впрочем, собственно экономические показатели социального неблагополучия, вероятно, выступают следствием *кризиса самого человека* как «главной производительной силы», которые могут и должны быть предметом пристального внимания социальных философов. Этой более глубокой точки зрения придерживаются и сторонники

современного материализма. Согласно этой позиции специфика современного глобального кризиса состоит в том, что он представляет собой наложение *формационного, цивилизационного, геополитического и мировоззренческого* кризисов. *Формационный кризис* — это кризис глобального капитализма как общественно-экономической формации, исчерпавшей все возможности для развития в ходе глобализации, распространения капиталистических отношений на все без исключения регионы мира. Глобализация в ее современной форме неразрывно связана с капиталистическими производственными отношениями, что дает основания определять *цивилизационный кризис* как кризис *буржуазной цивилизации*. В «ядре» современной капиталистической мир-системы (по Э. Валлерстайну) находятся США и другие наиболее развитые страны. В ходе глобализации страны ядра переносят промышленное производство в страны периферии и полупериферии для извлечения дополнительной прибыли вследствие дешевизны рабочей силы, более низких требований к безопасности производства и т.д. Но такой перенос одновременно ослабляет производительные силы (по крайней мере, в индустриальном секторе) стран ядра. Центр капиталистической мир-системы постепенно смещается в Юго-Восточную Азию, что создает предпосылки для геополитического кризиса. *Геополитический кризис* выражается в агрессивной политике стран «ядра» в отношении периферийных и полупериферийных стран, проводящих сколь угодно самостоятельную политику (в мерах экономического давления и даже государственных переворотах, в т.ч. методами «цветных революций»). Естественной реакцией на такую политику оказывается рост международного терроризма на почве религиозного фундаментализма в странах, ставших ее жертвами. Наконец, суть *мировоззренческого кризиса* состоит в возникновении «рыхлой» социальной реальности, которая провоцирует в сознании как обывателей, так и теоретиков постмодернистские химерические образования, стирает границы между мужским и женским, добром и злом, героизмом и предательством [Мусаелян Л.А., 2016, с. 108–111].

Похоже, что речь действительно идет об *антропологическом кризисе*, затрагивающем глубинные основания общественной жизни, саму *человеческую сущность*. Исследованное в свое время К. Марксом расщепление сущности человека на индивидуальную и родовую и их отчуждение друг от друга возникает вследствие общественного разделения труда. С одной стороны, в процессе развития общества родовая сущность человека обогащается, усложняется. Однако происходит это за счет обеднения, упрощения индивидуальной сущности человека — общество в целом развивается, но, с другой стороны, каждый отдельный индивид становится все более частичным и примитивным. Особая форма выражения такого «частичного человека» возникает на капиталистическом этапе развития общества в связи с формированием так называемого *Номо эконоmicus* [Берман Г.Дж., 1999, с. 383], все потребности и способности которого сводятся к чисто экономическим. Человеком такой индивид чувствует себя только в *актах потребления*, утрачивая свой творческий потенциал, фактически, — саму социальность. Известно, что такое состояние человеческого общества нередко объясняется философами, испытавшими влияние марксизма, как закат «предыстории» человечества, который вместе с негативными чертами деградации архаичного общества несет в себе и черты перехода к новой цивилизации. В недрах трансформирующегося капитализма вызревает «всеобщий (научный) труд», дающий в перспективе основу для существования универсально развитых индивидов и устраняющий из общественного производства стоимостные отношения [Мусаелян Л.А., 2016, с. 119].

Представляется, что в изложенных принципах фиксируется в целом адекватная научно-теоретическая интерпретация современного общественного кризиса: эта интерпретация дает картину сложившихся объективных предпосылок для глубоких преобразований производственных отношений и социальных институтов. Тем более что исследователи на протяжении последних десятилетий фиксируют как *расслоение среднего класса* [Кастельс М., 2000; Мартин Г.-П., Шуманн Х., 2001], так и быстрое *расширение мирового рынка наемной рабочей силы*, причем все это на фоне деградации элементов социального государства, что также считается исследователями проявлением кризиса *Номо эконоmicus* [Шарков А.В., 2019]. Если в 1980 г. в мире насчитывалось всего 1,9 млрд наемных работников, то к

2007 г. их число увеличилось до 3,1 млрд. Около 1,2 млрд человек из Китая, Индии и бывшего СССР пополнили глобальный рынок труда. 73 % рабочих проживает сегодня в развивающихся странах [Ghose A. et al., 2008, p. 9–10]. Столь многочисленной армии наемного труда капиталистический мир не видел никогда. При этом исследователи подчеркивают ухудшение материального положения многочисленных групп населения (в первую очередь — наемных работников), особенно усилившееся в условиях пандемии. Как отмечается, «возникают две острые проблемы: поддержка теряющих работу и малого и среднего бизнеса, теряющего доходы и увольняющего избыточный персонал. Далее потребуется все больше поддерживать слои (отрасли, регионы), в которых карантины истощают сбережения и ресурсы и угрожают работоспособности активов... в дальнейшем ситуация будет осложняться неравномерностью потерь в ходе рецессии, накоплением долгов и ухудшением положения в бедных и отдаленных странах» [Григорьев Л.М. и др., 2020, с. 21].

Однако вместе с тем факты свидетельствуют о том, что одних этих предпосылок для начала глубокого преобразования производственных отношений и социальных институтов, для преодоления кризиса и продолжения прогрессивного развития общества оказывается *недостаточно*. Кризис XXI в. недаром называют «долгим», несмотря на ухудшение материального положения значительных групп населения в ходе пандемии, фактор «отложенного спроса» в настоящее время справедливо трактуется исследователями как более важный, нежели выступления трудящихся [Bloem J.R., Salemi C., 2021]. Ситуация с предпосылками и необходимостью глубоких структурных преобразований общества чем-то напоминает историю с загадкой «молчания Вселенной» — при очевидном существовании объективных закономерностей, ведущих к формированию высших уровней организации на планетах земного типа, при открытии сотен таких планет ни биологических, ни социальных внесезонных существ в космосе до сих пор не обнаружено [Forgan D.H., 2019, p. 15].

Проблема и рабочая гипотеза

Таким образом, точка зрения современного материалистического понимания общества и истории встречается с определенным *теоретическим затруднением*. Его можно сформулировать следующим образом: какие факторы приводят к «кон-

сервации» производственных отношений и социальных институтов в их существующем, все менее адекватном современным вызовам, виде вопреки все более существенным проявлениям экономического кризиса? *Рабочей гипотезой* нашего исследования является предположение, что к числу таких факторов следует отнести *определенные деформации обыденного и теоретического сознания и их отношения*.

Обсуждение

Начнем с определений базовых для данного исследования понятий обыденного и теоретического сознания как двух особых, но связанных уровней общественного сознания исходя из их происхождения и содержания. Сразу отметим, что такие принципы их определения не разделяются, по крайней мере, значительной частью представителей современной неклассической философии, выступающих против «бинарного мышления», различающего явление и сущность [Перлов А.М., 2016, с. 197]. Симптоматично, например, что в «Новой философской энциклопедии» [Новая философская энциклопедия..., 2010] специальных статей, посвященных обыденному и теоретическому сознанию, мы не найдем, хотя будучи неопределенными, они *используются* во многих десятках статей этой энциклопедии. Представляется, что в качестве рабочих (предварительных) определений обыденного и теоретического сознания можно предложить следующие. *Обыденное сознание* — это уровень общественного сознания, непосредственно отражающий реальный процесс жизни людей в форме взглядов, чувств, иллюзий, простых закономерностей. *Теоретическое сознание* — это уровень общественного сознания, ориентированный на отражение глубинных сторон общественной жизни и осваиваемой человеком природы в форме концепций, в разной степени являющихся научными, а также доказанных научных теорий.

Для исторического обзора категорий обыденного и теоретического сознания используем классификацию исследований по этой проблеме в отечественной науке, проведенную О.В. Найдыш, которая прослеживает три этапа изучения обыденного сознания в отечественной литературе. На первом этапе (1960–1970-е гг.) представители советского марксизма справедливо различали обыденное и теоретическое сознание, но недооценивали момент их диалектической связи, весьма неоднородный характер самого теоретического сознания. Отчасти этот недостаток преодолевается в

рамках второго (1980–1990-е гг.) и третьего этапов (1990–2000-е гг.), но ценой утраты определенности и различий этих уровней общественного сознания, ценой утраты теоретической основы для научного исследования их отношения [Найдыш О.В., 2011, с. 5–9].

В исследовании кризисных явлений в обыденном и теоретическом сознании обратимся к важной, на наш взгляд, модели генезиса обыденного сознания, предложенной А.П. Сегалом [Сегал А.П., 2020], представляющим третий этап развития (по классификации О.В. Найдыш). Согласно этой модели обыденное сознание формируется вследствие общественного разделения труда — с разложением общинной собственности на землю и становлением частного человека, начиная с античности и до появления в позднем Средневековье бюргера-ремесленника как первого носителя обыденного сознания, наиболее адекватного реальности. Обыденное сознание фиксируется Сегалом в двух ситуациях. С одной стороны, в ситуации, когда носитель обыденного сознания находится в пределах своей профессиональной или бытовой компетентности. Эта разновидность обыденного сознания рационализирована, восприимчива к результатам развития теоретической и прикладной науки. В целом оно адекватно отражает определенные аспекты реальности, в чем нас убеждает успех практической деятельности индивидов.

С другой стороны, Сегал говорит об обыденном сознании в ситуации, когда его носитель выходит за рамки своей профессиональной и бытовой компетентности. Вместе с тем он *теряет свою субъектность*, поскольку перестает ставить собственные цели и вынужден вместо этого реализовывать задачи как части цели, которую ставит перед собой какой-то другой субъект (обладающий компетенциями, которых лишен носитель обыденного сознания). Так, ремесленник-бюргер в высшей степени компетентен в своем ремесле, он ставит цель и задачи на производстве, которые сам же и решает. Однако, становясь наемным работником на конвейерном производстве эпохи машинного труда, он теряет свою субъектность. Важно, что субъектность при этом теряет и буржуа (собственник производства), поскольку его стратегическая «цель» — накопление капитала — в действительности оказывается выражением закономерности развития определенного общественного отношения, в т.ч. определяется деятельностью предыдущих поколений. Таким образом, по Сегалу, *обыденное сознание связыва-*

ется с *частичным трудом* и становится преобладающим для человека эпохи капиталистического производства, а маркером адекватности обыденного сознания оказывается *способность субъекта ставить и реализовывать собственные цели* в рамках своей компетенции.

Представляется, что перспективность модели А.П. Сегала заключается в успешной попытке проследить формирование обыденного сознания с позиций историзма и в связи с субъектными характеристиками его носителей. Однако вместе с тем кажется, что данный исследователь игнорирует ряд важных моментов, которые в то же время можно рассматривать как серьезные точки роста для нашего исследования.

Во-первых, сам концепт теоретического сознания им фактически не используется: подчеркивается лишь *ограниченность любых научных концепций* и их авторов, когда они дерзают выйти за рамки своей профессиональной сферы. Однако представляется, что в таком случае собственно *научный философский подход* оказывается принципиально невозможным. По-видимому, эта позиция вызвана и определенными внутрифилософскими причинами: источником постепенной утраты определенности и разделения обыденного и научно-теоретического сознания можно считать проводимую начиная с И. Канта точку зрения о принципиальной ограниченности теоретического познания рамками эмпирического опыта. Но если трансцендус ни для философии, ни для частных наук принципиально невозможен, если человеческое сознание в целом имеет априорную природу — то можно ли говорить о хотя бы относительной автономии и каком-то преимуществе теоретического сознания? С этих позиций некоторые современные представители неклассической философии готовы принять кризисное состояние соотношения обыденного и теоретического сознания как *нормальное* и настаивать на устранении «иллюзорного» превосходства научного познания перед ненаучными его видами (см., напр.: [Кастру Э.В. де, 2017; Фейерабенд П., 2007]). Эта позиция представляется нам ошибочной. В теоретическом отношении потому, что вследствие игнорирования различий и определенной автономности сфер обыденного и теоретического сознания не может быть рассмотрен вопрос об их отношении, его динамике в истории. В практическом же отношении «нормализация» кризиса в этой сфере приводит к недооценке опасности утраты субъектности как носителями обыденного сознания, так и представителями научного сообщества, те-

ряющими способность к адекватному познанию и научному критическому осмыслению действительности, а значит, и к ее практическому преобразованию — к решению все более острых глобальных проблем человечества.

Во-вторых, в концепции А.П. Сегала игнорируется положительный опыт целенаправленного онаучивания обыденного сознания. В этом плане представляет значительный интерес опыт популяризации науки в СССР, а также феномен гражданской науки за рубежом и в постсоветской России. Гражданская наука представляет собой взаимодействие теоретического и обыденного сознания, выраженное в онаучивании обыденного сознания и проникновении исследовательских практик в повседневность граждан на уровне профессиональной деятельности и увлечений, — достаточно новая тенденция [Абрамов Р.Н., Кожанов А.А., 2015]. Стремление к познанию действительности заложено в природе человека, поскольку без познания мира невозможно перейти к его практическому преобразованию, т.е. к труду, как способу существования человека. Однако доступ широких масс населения к достижениям научного познания становится возможным только с возникновением необходимости включать эти массы в сложное высокотехнологичное производство. И такой доступ в XX–XXI вв. становится реальностью. Таким образом, обыденное и теоретическое сознание в принципе могут конструктивно взаимодействовать и взаимообогащаться. Ситуация такого их взаимодействия предполагает как доступность достижений теоретического сознания для обыденного сознания, так и опору теоретического сознания на опыт обыденного сознания. Действительно, именно повседневный опыт формирует ту «оболочку» теоретического сознания, которая содержит обыденные представления, выступающие «питательной средой» для «кристаллизации» научных концепций [Иоселиани А.Д., Зарубина П.Д., 2021, с. 49].

Деформация же взаимодействия обыденного и теоретического сознания может приводить к негативным теоретическим и практическим последствиям. Например, известно, что до тех пор, пока наука эпохи «раннего капитализма» оставалась делом изолированной от общества небольшой группы профессиональных ученых, последние зачастую сочетали в своем мировоззрении как элементы научного материалистического восприятия мира, так и откровенно антинаучные взгляды [Касавин И.Т., 2008, с. 14]; согласно модели А.П. Сегала эти взгляды довлеют над умами ча-

сти научного сообщества и в наши дни. Актуальным примером негативных эффектов от деформации связи обыденного и теоретического сознания может служить отсутствие консолидированной позиции в современном обществе по вопросам безопасности в условиях пандемии COVID-19 [Ермакова Е.В., 1994]. Априорное недоверие носителей обыденного сознания к представителям научного сообщества и одновременно с этим их подверженность влиянию «иллюзорного теоретизирования» конспирологов создает реальные проблемы для государства и общества в борьбе с кризисом, вызванным пандемией. Отметим, что указанная ситуация во многом опосредована и явлениями *цифровой культуры*: развитие пандемии широко освещается и обсуждается в сети Интернет. Причем рядовые пользователи, некомпетентные в эпидемиологии, в бесконечных потоках постоянно обновляющейся информации предпочитают ориентироваться на многочисленные мнения обывателей и псевдоэкспертов вместо научного знания, тем самым теряя субъектность сначала в цифровом пространстве, а затем и в обыденной жизни.

В-третьих, хотя А.П. Сегал говорит о том, что по мере развития общества происходит модификация обыденного сознания, им не рассматривается влияние на него, как и на отношение обыденного и теоретического сознания, фактора *цифровизации* всех сфер общественной жизни. Это фактор представляется очень важным. В свое время А.Е. Маховиков, исходя из марксовской концепции «ложного, иллюзорного сознания», обозначил псевдонаучные концепции, принадлежащие к теоретическому сознанию, через упомянутый выше концепт «*иллюзорного теоретизирования*» [Маховиков А.Е., 1990]. Подчеркнем, что *теоретическое сознание в целом не тождественно научному* — оно вполне может содержать иллюзии, заблуждения, предрассудки. Причем они возникают не на пустом месте: в их основе всегда лежит определенный *социальный опыт*. В наши дни этот опыт практически всегда опосредован феноменами цифровой культуры. Цифровая культура имеет колоссальный потенциал относительно развития творческих функций человека, и вне ее контекста дальнейшее развитие человечества, по-видимому, немислимо. Вместе с тем в непосредственном плане, будучи продуктом общества периода кризиса *Ното есопотісис*, цифровая культура формирует и утверждает нашего современника главным образом в качестве пассивного потребителя, «всемогущего» ис-

ключительно в своем виртуальном мире и все более оторванного от насущных проблем объективной социальной и природной реальности. Опыт современного потребителя продуктов цифровой культуры — это, конечно, опыт, причем соответствующий опыту массы других потребителей, — но это опыт, который в существенной мере можно считать «иллюзорным» [Баева Л.В. и др., 2020, с. 127]. Проблема же состоит в том, что в современных условиях приходится констатировать существенное *ослабление взаимосвязи обыденного сознания с научным теоретическим мышлением* — элементы научно-теоретического сознания не находят значимого отклика в обыденном сознании, носители которого остаются безразличными к результатам теоретической работы ученых. Напротив, в современных условиях, похоже, *усиливается связь обыденного сознания с иллюзорным теоретизированием* [Иоселиани А.Д., Зарубина П.Д., 2021, с. 53]. По-видимому, именно эти элементы обыденного сознания активизируют друг друга по принципу «положительной обратной связи». Полагаем, что развитие цифровых технологий могло бы способствовать возникновению всеобщего интеллекта, всеобщего труда, заложив основы для преодоления деформации отношения между обыденным и теоретическим сознанием, однако в условиях товарно-рыночных отношений цифровизация, как свидетельствуют факты, пока выступает скорее как сдерживающий и углубляющий кризисные тенденции фактор.

И, наконец, в-четвертых. Материалистическое понимание общества и его истории является важным источником концепции А.П. Сегала. С позиций этой же концепции очевидно, что в конечном счете именно кризисное состояние общественного бытия провоцирует кризисное состояние общественного сознания в целом, приводит к кризисным тенденциям в *обыденном сознании, в теоретическом сознании и к деформациям их взаимодействия*. Однако остается непонятным, посредством *каких конкретно механизмов* кризис общественного бытия приводит к деградации обыденного сознания, с одной стороны, и к развитию иллюзорного теоретизирования, к потере «онаучивающего» действия теоретического сознания на обыденное — с другой. Это предстоит выяснить, продолжив исследование.

Заключение

В свете вышесказанного возникает необходимость в ходе дальнейшего исследования решить

следующие задачи: 1) раскрыть сущность обыденного сознания, теоретического сознания и диалектику их отношения с методологических позиций современного материализма; 2) исследовать успехи и неудачи попыток целенаправленного онаучивания обыденного сознания в различных общественных условиях; 3) выявить конкретные проявления деформирующего влияния на взаимодействие обыденного и теоретического сознания в условиях цифровизации, установить его причины и наметить пути его преодоления; 4) в целом, выделить конкретные механизмы, посредством которых кризис общественного бытия способствует размыванию рациональных моментов обыденного сознания, укреплению иллюзорного теоретизирования и утрате конструктивного взаимодействия обыденного и научно-теоретического сознания;

Такое исследование представляется нам важным и актуальным для дальнейшего развития социальной философии.

Список литературы

Абрамов Р.Н., Кожанов А.А. Концептуализация феномена Popular Science: модели взаимодействия науки, общества и медиа // Социология науки и технологий. 2015. Т. 6, № 2. С. 45–59.

Баева Л.В., Касавина Н.А., Федюлина Е.В., Лопатинская Т.Д. «Бытие-в-мире» электронной культуры / под общ. ред. Л.В. Баевой; Астраханский гос. ун-т. СПб.: Реноме, 2020. 192 с.

Берман Г.Дж. Вера и закон: примирение права и религии. М.: Ad Marginem, 1999. 431 с.

Григорьев Л.М., Павлюшина В.А., Музыченко Е.Э. Падение в мировую рецессию 2020... // Вопросы экономики. 2020. № 5. С. 5–24. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-5-5-24>

Ермакова Е.В. Взаимодействие обыденного и теоретического уровней общественного сознания: дис. ... канд. филос. наук. Н. Новгород, 1994. 165 с.

Иоселиани А.Д., Зарубина П.Д. Социальное поведение людей в пандемию COVID-19 // Манускрипт. 2021. Т. 14, № 6. С. 1151–1155. DOI: <https://doi.org/10.30853/mns210203>

Касавин И.Т. К демаркации науки и теологии проблеме генезиса науки // Проблема демаркации науки и теологии: современный взгляд / отв. ред. И.Т. Касавин и др. М.: ИФ РАН, 2008. С. 9–24.

Кастру Э.В. де. Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 200 с.

Мартин Г.-П., Шуман Х. Западная глобализация: Атака на процветание и демократию / пер. с нем. Г.Р. Контарева. М: Альпина, 2001. 336 с.

Маховиков А.Е. Социально-философский анализ

соотношения обыденного и теоретического в иллюзорных формах общественного сознания: на примере религиозного сознания: дис. ... канд. филос. наук. Казань, 1990. 184 с.

Мейсон П. Посткапитализм. Путеводитель по нашему будущему. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 480 с.

Мусаелян Л.А. Исторический процесс и глобализация / Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2016. 128 с.

Найдыш О.В. Обыденное сознание и мифотворчество: дис. ... канд. филос. наук. М., 2011. 192 с.

Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН. 2010. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/page/about> (дата обращения: 12.08.2021).

Перлов А.М. История науки: Введение в методологию гуманитарного знания. М.: URSS: Ленанд, 2016. 280 с.

Сегал А.П. Проблематика социального проектирования в свете обыденных представлений об историческом (социальном) времени // Искусственные общества. 2020. Т. 15, вып. 3. URL:

<https://artsoc.jes.su/s207751800010977-3-1/> (дата обращения: 12.08.2021). DOI:

<https://doi.org/10.18254/s207751800010977-3>

Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания. М.: АСТ: Хранитель, 2007. 413 с.

Чень В., Мркак М., Набар М. Долгосрочные последствия: восстановление мировой экономики спустя десять лет после кризиса / ImfBlog. 2018 3 окт. URL:

<https://www.imf.org/external/russian/np/blog/2018/100318r.pdf> (дата обращения: 12.08.2021).

Шарков А.В. Проблема социальных функций современного государства: философский анализ // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 1. С. 44–54. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-1-44-54>

Bloem J.R., Salemi C. COVID-19 and conflict // World Development. 2021. Vol. 140. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7657608/pdf/main.pdf> (дата обращения: 15.08.2021). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2020.105294>

Forgan D.H. Solving Fermi's Paradox. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 413 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781316681510>

Ghose A., Majid N., Ernst C. The Global Employment Challenge. Geneva: International Labour Office, 2008. 290 p.

Получена: 01.08.2021. Принята к публикации: 02.09.2021

References

- Abramov, R.N. and Kozhanov, A.A. (2015). [Popular science conceptual analysis: models of science, society and media communications]. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii* [Sociology of Science and Technology]. Vol. 6, no. 2, pp. 45–59.
- Baeva, L.V., Kasavina, N.A., Fedyulina, E.V. and Lopatinskaya, T.D. (2020). «Bytie-v-mire» elektronnoy kul'tury [«Being-in-the-world» of electronic culture]. Saint Petersburg: Renome Publ., 192 p.
- Berman, H.J. (1999). *Vera i zakon: primirenje prava i religii* [Faith and order: the reconciliation of law and religion]. Moscow: Ad Marginem Publ., 431 p.
- Bloem, J.R. and Salemi, C. (2021). COVID-19 and conflict. *World Development*. Vol. 140. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7657608/pdf/main.pdf> (accessed: 15.08.2021). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2020.105294>
- Castro, E.V. de (2017). *Kannibal'skie metafiziki. Rubezhi poststrukturnoy antropologii* [Cannibal metaphysics. For a post-structural anthropology]. Moscow: Ad Marginem Publ., 200 p.
- Chen, W., Mrkaic, M. and Nabar, M. (2018). *Dolgosrochnyye posledstviya: vosstanovleniye mirovoy ekonomiki spustya desyat' let posle krizisa* [Long-term effects: global economic recovery ten years after the crisis]. IMF Blog. Oct. 3. Available at: <https://www.imf.org/external/russian/np/blog/2018/100318r.pdf> (accessed 12.08.2021).
- Ermakova, E.V. (1994). *Vzaimodeystvie obydennogo i teoreticheskogo urovney obschestvennogo soznaniya: dis. ... kand. filos. nauk* [Interaction of everyday and theoretical levels of public consciousness: dissertation]. Nizhny Novgorod, 165 p.
- Feyerabend, P. (2007). *Protiv metoda. Ocherk anarkhistskoy teorii poznaniya* [Against Method. Outline of an anarchistic theory of knowledge]. Moscow: AST Publ., Khranitel' Publ., 413 p.
- Forgan, D.H. (2019). *Solving Fermi's paradox*. Cambridge: Cambridge University Press, 413 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781316681510>
- Ghose, A., Majid, N. and Ernst, C. (2008). *The global employment challenge*. Geneva: International Labour Office Publ., 290 p.
- Grigor'ev, L.M., Pavlyushina, V.A. and Muzychenko, E.E. (2020). [The fall into 2020 recession]. *Voprosy Ekonomiki*. No. 5, pp. 5–24. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-5-5-24>
- Ioseliani, A.D. and Zarubina, P.D. (2021). [Pandemic as social evil that brought about solidarity, humanness and development]. *Manuskript* [Manuscript]. Vol. 14, no. 6, pp. 1151–1155. DOI: <https://doi.org/10.30853/mns210203>
- Kasavin, I.T. (2008). [On the demarcation of science and theology the problem of the genesis of science]. *Problema demarkatsii nauki i teologii: sovremenniy vzglyad* [The problem of demarcation of science and theology: a modern view]. Moscow: IP RAS Publ., pp. 9–24.
- Makhovikov, A.E. (1990). *Sotsial'no-filosofskiy analiz sootnosheniya obydennogo i teoreticheskogo v illyuzornykh formakh obschestvennogo soznaniya: na primere religioznogo soznaniya: dis. ... kand. filos. nauk* [Socio-philosophical analysis of the correlation of the ordinary and theoretical in illusory forms of social consciousness: on the example of religious consciousness: dissertation]. Kazan, 184 p.
- Martin H.-P. and Schumann, H. (2001). *Zapadnaya globalizatsiya: Ataka na protsvetanie i demokratiyu* [Western globalization: an attack on prosperity and democracy]. Moscow: Al'pina Publ., 336 p.
- Mason, P. (2016). *Postkapitalizm. Putevoditel' po nashemu buduschemu* [Post-capitalism. A guide to our future]. Moscow: Ad Marginem Publ., 480 p.
- Musaelyan, L.A. (2016). *Istoricheskiy protsess i globalizatsiya* [The historical process and globalization]. Perm: PSU Publ., 128 p.
- Naydysh, O.V. (2011). *Obydennoe soznanie i mifotvorchestvo: dis. ... kand. filos. nauk* [Ordinary consciousness and myth-making: dissertation]. Moscow, 192 p.
- Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t.* [The New philosophical encyclopedia: in 4 volumes]. Available at: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/page/about> (accessed: 12.08.2021).
- Perlov, A.M. (2016). *Istoriya nauki: Vvedenie v metodologiyu gumanitarnogo znaniya* [History of science: an introduction to the methodology of humanitarian knowledge]. Moscow: URSS Publ., Lenand Publ., 280 p.
- Segal, A.P. (2020). [The problem of social design in the light of everyday ideas about historical (social) time]. *Iskusstvennye obschestva* [Artificial Societies]. Vol. 15, iss. 3. Available at: <https://artsoc.jes.su/s207751800010977-3-1/> (accessed 12.08.2021). DOI: <https://doi.org/10.18254/s207751800010977-3>
- Sharkov, A.V. (2019). [The problem of social functions of the modern state: philosophical analysis]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 1, pp. 44–54. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-1-44-54>

Received: 01.08.2021. Accepted: 02.09.2021

Об авторе

Сухогузов Михаил Николаевич
аспирант кафедры философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: 6509ms@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4793-556X>
ResearcherID: AAY-9130-2021

About the author

Mikhail N. Sukhoguzov
Postgraduate Student of the Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: 6509ms@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4793-556X>
ResearcherID: AAY-9130-2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Сухогузов М.Н. Обыденное и теоретическое сознание в контексте кризиса человеческой сущности: постановка проблемы // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 3. С. 445–453.
DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-445-453

For citation:

Sukhoguzov M.N. [Everyday and theoretical consciousness in the context of the crisis of human essence: problem statement]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 3, pp. 445–453 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-445-453